

СМЕНА

№ 24 (926) ДЕКАБРЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С Н О В Ы М Г О Д О М , Д Р У З Ь Я !

ОБЫЧНЫЕ ДЕЛАННЯ АРТИНА

Виктор САНК

— Сообщите координаты. Дайте точку своего местонахождения.

В наушниках хрипит. И потом:

— Толя! Дай точку... Прием...

И Толя считает, считает, считает, ищет «точку» — местонахождение самолета. Он четко видит ее, но видит только на карте, потому что вокруг белесое молоко, прикрытое сверху шальной полярной ночью. Отвечать Толю сейчас нельзя: самый молодой штурман полярной авиации впервые самостоятельно ведет «ИЛ-14» над просторами Арктики.

Первый самостоятельный! За плечами летное училище, напряженные тренировки и 26 лет от роду.

— На острове минут сорок сидеть будем. Снимаю столько хочешь, — говорит мне Толя.

— Сорок минут маловато. Там и правда нельзя держать само-

лет дольше. Застынут двигатели. И вообще, с нашей, «материковой» точки зрения, сегодня летать нельзя. Погода мне всякой норини: ветер такой, что при взлете машину оторвало от земли, едва она начала разбег. Слово вертолет.

Я начал заметки о поездке в Арктику с рассказа о полете с Толей Савосининым потому, что нынешняя Арктика немислима без авиации. И стартовые «белые пятна» на карте тоже немислимы без нее, как немислима она сама без полярной ночи, лурги и мороза.

...Кажется, скоро посадка. Кажется, сейчас будет лед. Самолет еще кружит, выбирая площадку, а я уже мысленно иду по острову, как шел несколько дней назад навуу. Километраж в семидесяти от него и сила Вододо Лысночева. Он замуривал на самом ветру, на рыбацком «пордике». А я успел достать камеру

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

24
(1926)

ДЕКАБРЬ
1935

Год издания
сорок второй
Выходит два
раза в месяц

из-за паузи и намотать кнопку за-
творца, мгновенно, иначе замерзнет.
Знаете, что такое «порядок»? Место
лова. Крючковая будочка. Из фанеры,
а иногда из снега. И лунки во льду.
В одну опускают невод, из другой
вытаскивают. Третью для тяги возду-
ха — нельзя лучше идет.
Володя давно рыбачит. Под Куйби-
шевем, потом под Астраханью, на тро-
нях.

— Там и рыба другая. Да и пого-
да. — Он прячет папиросу в рукавицу
и смеется. — И профессия у рыбака
там одна — рыбак.

Тут он ловит нельму. Тут прико-
дится грузить тмеленные ящики
или бочки — это когда в короткое
полярное лето приходит суда или ко-
гда аврал. Тут он и царь. Собаки у
него замечательные. Заботится он о
них, потому и упрямка одна из са-
мых сильных и самых быстрых.

— Вы у лунки долго не стойте.
Глядите, уж конуха задуবেв. Тут и
привычный иногда застудиться мо-
жет. Правда, вертолеты... Да и врач—
чуро.

Так журналистское счастье вывело
меня к Юре Каримову.

...Взгляните на карту Тинисинской
бухты. Тинси в самом низу, выше
остров Мастах, а еще выше и пра-
вее — Быков мыс.

Если вездеход, ушедший из Тинси,
не попал ни на Мастах, ни на Быков
мыс, значит, промахнулись, прошли
в створе, ушли в океан... И тогда
ночь над бухтой рвет луч прожектора.
Он начинает свой путь с запада и
ползет к зениту, чтобы потом ука-
зать на восток. И все знают: беда. А
за несколько минут до всах — врач
Каримов.

Юра попошится около белого

См. стр. 4

*Самолет в Арктике — это жизнь. Писья
робных и друзей, газеты, медика-
менты, оборудование, продовольст-
вие, радость общения с Большой зем-
лей.*

*На самом ветру, на рыбацком «поряд-
ке», закуривал Володя Лысковцев.*

*От зимовки до метеоплощадки — де-
сятка два шагов. Но иногда этот путь
не пройти и за час. Но пробы метео-
рологи берут в любую погоду.*

**ПЕРВОЕ
ЗНАКОМСТВО
С ПОЭТОМ**

Их называют поэтами «Горизонта». «Горизонт» — редакция молодежно-го вещания Ленинградского телевидения. Владимир Дроздов, Юрий Марцикевич, Алла Тер-Акопян, Игорь Доляк были победителями в спор-образном турнире начинающих поэтов, который состоялся на голубых экранах.

По приглашению ЦК ВЛКСМ начинающие поэты побывали в Москве. Алла, Игорь, Юрий и Владимир были гостями комсомольских журналов. Интересная встреча с ними состоялась и у нас в редакции. Стихи начинающих поэтов впервые напечатаны на страницах «Смены». Пожелаем же по-этам «Горизонта» доброго пути!

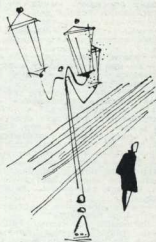
Алла ТЕР-АКОПЯН

В переулках радости и горя
Судьбы несомны и невелики.
Желтые сараянские горы
Мне сейчас почудились на Невском.

Память горстью что-то в душу
Бросила.

Но не отыскать тебя, наверно,—
При невном освещении осени
Мне прощать и принимать на веру
Твои штаны, боли и метели...

Я стою на Невском и немею.
Осени тань в себе умеют
Все на свете марты и апрели.

Игорь ДОЛЯК

Человеку
много дано.
Человеку
мало дано.
Детство — только одно
у нас.
Юность — только одна
у нас.
Нам дается
одна весна,
жизнь одна
и любовь одна,
и один настоящий друг,

и один настоящий враг,
и один нам дана страна,
а в стране —
одна сторона.
Это мудро заведено:
все одно,
одно и одно.
Можно много друзей
иметь,
можно много врагов
иметь,
много женщин
и много чужбин,
но тогда остаешься —
один.

Осенний дождь
по стенам
шаркает
и голосист,
и длинноног.
У дома,
жил в котором
Блюк,
сказал мне спутник:
«Синем шляпы!»
Мы
с непокрытой головой
прошли
безмялво

мимо двери,
а дом стоял,
как все
трекхерен
и до обидного
простой.
Не заслужил бы он
почета,
не удержал бы
даже взгляд,
но было что-то в нем
четвертое,
чего не выдумал
Декарт.
И по неведомым
лекалам

вдруг изогнулись
этажи,
и в окнах звуки
замелькали,
пересекая
нашу жизнь,
и взгляды женщины,
и измены,
у стен
обиденность грома...
Вокруг
в четвертом измерении
другие
рухнули
дома!

Александр МЕЖИРОВ

ТБИЛИСИ. ЦЕХ

На склон
из ассирийского района
Выносят гроб с водителем такси.
Сирены воют.
[Господи, слави!] —
И горестно поют и разъяренно.

Доцатый гроб
над склоном чуть креня,
Толпа выходит на тропу кругую.
Намала на классоны шофера,
Соратнику и другу салюту.

Кренился над оврагом внаду.
Кренился ноша медленно и тязно.
Вдаву

враскачку
под руки вудат:
Вся в черном,
убивается
беднякка.

У каждого шофера в голове
Простая мысль и явная забота:
Вполне возможно, что моей вдове,
Как мы теперь,
поможет завтра кто-то.

Пусть обеднею,
разорюсь пуская,
Зато
сегодня
разделю с вдовою
Все, что имею...

О, не иссякай
Остаточное братство цеховое!!
Легит мертвец

В costume попосатов, как в ликаме.
И лысье воробушки над ним,
И рыжий воздух выстрижен
стрижками.

**ОБЪЯСНЕНИЕ
В ЛЮБВИ**

...И обращается он к милой:
Люби меня за то, что силой
и красотой не обделен.
Не обделен, не обездолен.
В поступках — тверд, а в чувствах — волен,
За то, что молод, но умён.

Люби меня за то хотя бы,
За что убогих любят бабы,
Всем сердцем, вопреки уму,—
Люби меня за то хотя бы,
Что некрасивый я и слабый
И не пригодный ни к чему.

Владимир ДРОЗДОВ

Мне кажется,
я все еще лечу,
парашютистом прыгнув
в жизнь из детства.
Лечу, волеюясь,
головой верчу,
стараясь в землю близкоую
вглядеться.

Земля вполне надежна,
но чуть-чуть
покачивается.

Трудно привыкнуть
ходить мне по земле.
Уме и не лечу,
но все пока никак не приземлится.
Я жил в квартирах
и в полях бродил,
где, угождать кому-то не стаясь,
нескошенные вымоста
дождик,
спокойно шепстят и выпрямляясь.
И всюду удивительная высь.
Я рассуждаю странно и нелепо:
Мне кажется,
что, как парашютист,
я все лечу под парашютом неба.

ПОДСТРИЖЕННЫЕ

ДЕРЕВЬЯ

Здесь кто-то
правильно
всему решил:ся
поют
неправильно
хористы-листья.
И вот
адолю уныцы
(и выбра время),
калеча
музыку,
стригут деревья.

Чтоб стали
пухлыми,
приятно
глядим,
чтоб встали
пуделями
на задних лапах.
Как бы
срифмованные
рукою мастера,
деревья —
сповни
из парникахорской.
Не до беспечности —
они тревожатся.
Везде
мерещатся им
люди с ножницами.

Юрий МАРЦИНКЕВИЧ

НОЧЬ НА ЛОДОЧНОЙ СТАНЦИИ

Борта лоснятся от росы.
Поют, как струны, цепи.
У лодок гордые носы
куда-то вдаль
нацелены.
Они молчат, насторожили
натянутые морды.
Здесь все им кажется
чужими,
далеками,
словом море.

А в этом море свой закон:
в нем цепи,
а не цены.

А здесь загон:
гремит замок,
поют, как струны, цепи.

Там молны,
что хмельной вина,
шагают караваны.

А здесь покой
и тишина.
Хоть складывая в карманы!

И в скамьях будке
сторож спит.
(Ах, кто его придумал!)
Он, как гроздьями,
к сну прибит,

подушками придушен!
Бегите, лодки,
кто куда,
сейчас же,
этой ночью!
Ведь спящий сторож —
это я...
А я просплю нарочно.

Рисунки В. АРОНИНА

СЕРПУХОВ

Прилетела, сердце рана,
Телеграмма из савь.
Прощай, Дуся, моя няня,
— Ты жила и не жила.

Паровозов хриплый хохот.
Стылых рельс: дьявольная нить.
Заворачиваясь в холод,
Уезжаю хоронить.

В Серпухове,
на вокзале,
В очереди на такси:
— Не посадишь,
— мне сказали,
—

Не посадишь,
не проси.

Мы начальников не возим.
Наш обычай не таков.

Подрука дней моих суровых...
А. Пушкин

Ты пройдишь-ка пешком восемь
Километров до Данков...

А какой же я начальник,
И за что меня винить!
Не начальник я —
печальный,
Еду няню хоронить.

От безмерной страдальня
Голова моя белая.
У меня такая няня,
Если б знала вы,
Была.

И жила большая сила
В няне маленькой мойей.
Двух детей похоронила,
Потерала двух мужей.

И судить ее не судим,
Что, с землей поравняши связь,

И присоветованным людям
Из деревни подалась.

Может быть, не в этом дело,
Может, в чем-нибудь другом!..
Все, что знала и умела,
Няня делала бегом.

Вот ложит она, не дышит,
Стужею лик покойной пышет,
Не замеч никто свечу,
При последней встрече с няней
Вместо вздохов и стонаний
Стиснула зубы и молчу.

Не скажу о ней ни слова,
Потому что все слова —
Золотистая поллова,
Вровая половой.

Сами вытащили сани,
Сами в лощадь запрягли,
Гроб с холодным телом няни
На кладбище повезли.

Хмур могильщик, Возчик зол.
Маюются от скуки оба,
Комьями возле гроба
От сугроба до сугроба,
Путь на кладбище тажед.

Вдруг из ветлого сарая,
На динковские снега,
Кувырялась и играя,
Выкатились два щенка.

Сразу с лица сплетела скука,
Не осталось ни следа.
— Все же выходила скука,
Да в такие холода...

И возникнул, вроде скрипок,
Незаметной какой-то звук.
И подобие улыбок
Лица высветило вдруг.

А на Сретение в клетушке,
В полугимназ мастерской,
Где на каменной подушке
Спит Владимир Лутговский,
Знаменитый скульптор Эрнст
Неизвестный

Весь в поту, не спит, не ест,
Руководство МОСХа бесит;
Не дает скучать Москве,
Не дает заснуть глупце,
По какой-то там из линий,
Слава богу, мы в родстве.

Он прервет свои искания,
Когда я к нему приду,
И погильную плиту
Нане вырубит из камня.

Ближе к пасхе дождь заладит,
Снег сойдет, земля осидет —
Подмосковный чернозем,
По весенней глупе свежей,
По дороге непрожезжей
Мы надгробье повезем.
Ну, так бей крылом, беда,
По моей веселой жизни
И на ней
ясней
оттксни

Образ няни
Насегад.

Родина моя, Россия,
Няня... Дуся... Евдокья.

шафчика. Ему звонят. Он слушает, потом говорит:

— Надо лететь.
— Пошли, — отвечаю я, хотя точно знаю, что по нашему, «по материновому», понятию сейчас лететь нельзя. И все-таки мы летим. Чуть-чуть проморгается. Мы мотаемся по маршруту, только летчим попутным «коридором», и на карте полета возникают следы вертолет «чертит» квадратами. Там внизу, среди океана, трое. Опытный водитель, вездехода дядя Вася и двое молодых ребят — радисты. Они шли заступать на дежурство, где они теперь?

Маям напряженного, утомительного поиска. Потом внизу — какой-то дымок и вездеход, который стоит, укачивает брызжует. Двигатель работает, значит, вторые сутки подряд. В распахнутую дверцу вертолета врывается многоголосый визг ледяного ветра. Нестерпимый мороз забивается под меховую куртку и в унты. Юра спускается по веревочной лестнице. Потом, подсымая радиостов и водителя, возвращается на борт. Теперь его работа — первая помощь при обморожении.

А еще через несколько часов мы сидим в кабинете Наримова. Он расширяет приказанное морозом лицо и руки. Он в Аргентине не новичок, и мне хочется о многом расспросить его. Ведь я знаю только, что ему двадцать четыре и в Тинси он приехал сразу после окончания института. Но поговорить нам так и не удается. В Станмак-Кочу твоего заболела женщина, и перекинув через плечо видящую меня сумку, Юра опять уходит в бушующий ураган.

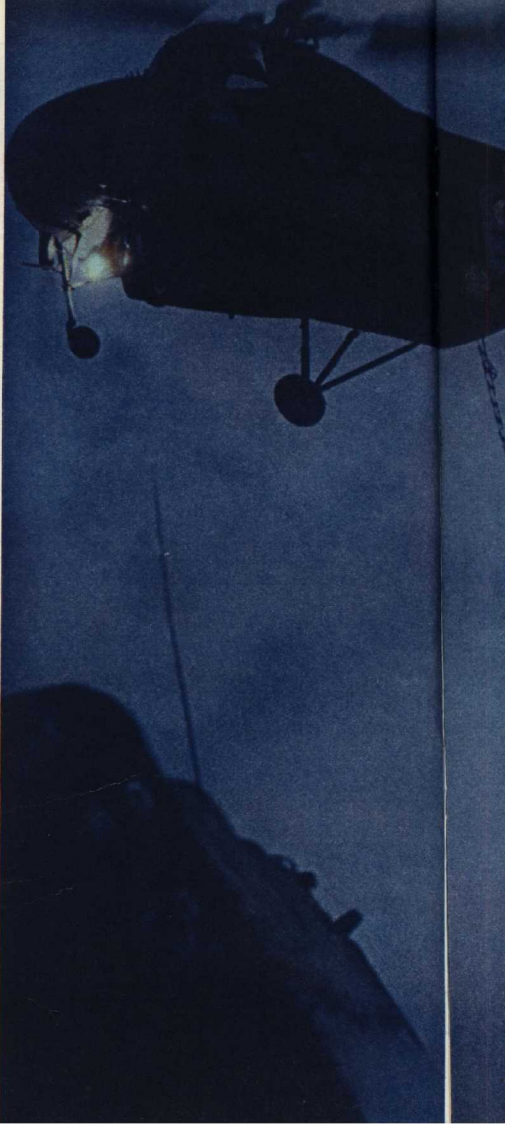
В такую погоду от Тинси до полярной станции Матак четыре часа на вездеходе. Обыкновенная станция, как утверждает ее начальник Володя Ямашко. В определенные часы молодые ребята-полярники передают отсюда данные о погоде. Манк на Матаке знает все климаты. Он светит тридцать лет.

Минут на станции девять человек. Никут, по их собственному выражению, как боги.

— И вообще у нас ничего не случается, — говорит Володя. — Разве что иногда ветер затенит порыв.

Ему двадцать восемь. Из них семь лет в Аргентине. К критической зрелости относится скептически. Сел в Ленинграде на ИЛ-18, и через восемь часов в Тинси. Правда, теперь у нас самая что ни на есть обыкновенная Аргентина.

От скорости и четкости работы Гали Романовой часто зависит жизнь больноу на дальней зимовке, пощю заблудившемуся в олодах вездеходу лая обшашемуся с курса самолету.

В распахнутую дверцу вертолета врывается многоголосый визг пледы. Томелькая лача штурмана повисает над торосами, и бортировка подхватывает ледяной ветер...

Самый молодой итур-
лан пиларной пани-
ци Анатолий Са-
воськин.

Сейчас в наушниках
застучит морзянка, и
Володя Ломашко пе-
редает в Такси дан-
ные о погоде: ско-
рость и направление
ветра, количество
осадков, состояние
льда.

Очередной вызов — и врач Юрий Каримов летит, несмотря на пургу, на да-
льную зимовку.

Десятки километров по льду залива прошла упряжка без отдыха. Тяжело-
больная женщина вовремя доставлена в больницу.

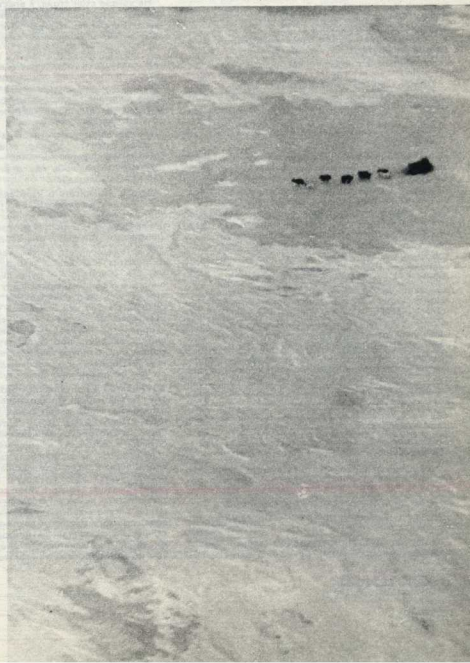

Рисунок
О. ВУКОЛОВА

— Боже мой! — запрочил ватер у портовых ворот. — Женщины, возвращайтесь в вокзал! Грузия отходит через три часа, а вы весь проход загромождали! Идите к транспорту закрывайте. Нельзя здесь!

А наши уже подошли и подожди, тесно устанавливая портовые подступы чеходами с авиационными ярлычками и кошелками с пивом. В топки, шилках, русне, золоты, черные. То некие, в брочках, и пашине, вроде жены механика Флоры... Ветер рчелал, розовая бухта подергивалась серо-голубым.

— На внешнем рейде очень холодно, — сказала Флора. — Ребятишек кутать надо.

— Пройдите! — завопил ватер.

— Да мы на «Полетаев», рейдовый катер ждем! Освабились от чеходов, женщины пригнули к переговорам. Ватер ошалело смотрел на нас: размеры нашествия сбивали его с толку.

— Что же, все на «Полетаев»!
— Все! Все!

Знобило, напряжение перелазывало через край. Выходящие из порта морские с улыбой смотрели на нас. Надо было видеть эти улыбки! И вдруг я поняла то, что произошло вчера. Я долго стояла на волноломе и смотрела в Цемесскую бухту. «Федор Полетаев» задерживался, было грустно в чужом городе. Когда я спрыгнула с волнолома, ко мне подошел захляпывший парень в зюйдвестке. «Простите, — сказал он, — я вот хочу спросить, только честно. Ладно! Что вы делали на волноломе? Ребята поспорили, говорят, смотри, «Конечной» еду, спасибо! — Он быстро забрал мое галечное откосы и крикнул с неясной развязностью: — Я выиграл бутылку шампанского! Я им так и говорил: стой и смотри. А они спорили — из моря ждет кого-то. Романтика все это, выдумки. Верно? Почему я не сказала тогда ему, что еду «Полетаева»? Почему я сразу не поняла, как он хотел проиграть!

— Кого, красивые, ждете? — кричали нам морские.

— «Полетаев!» — многоголосое и тонко перекатывалось по рядам.

С утра в морской вокзал входили женщины, принаряженные и припруженные, усталые с дороги.

— Вы как, пародом? А мы самолетом...
— Где он? — вновь прибывшие бросались к окну, откуда был виден рейд.

— Не пришел. На шестнадцать только вызвал властей, значит, нам не раньше девятнадцати...

Они сразу увидели его на рейде, почти недвижимого и неотнимоногого от собираться.

— Он! — единым вздохом прохватилось по залу. И последние часы стали невыносимыми.

А потом наш катер тыкался носом под испанский бок танкера. И мужчины свисали с борта, а женщины шурили влажными глазами: танкер погода не был дома.

— Ишь, как пообтрелася, беднякник «Полетаев»! — сокрушалась Флора.

— На катере стоишь, а власти все не открывали границу. Наконец, таможенники сдались. Мужчины бегали по трапу и хватали в охапку усталых детей, и женщины, тихо смеясь, просили: — Смотри не раздай!

Я осталась в опустевшем катере. Мне нужно было к капитану, но среди одеситок была сероглазая женщина в красном вазовом шарфике — жена капитана. Завтра хлынет на танкер береговая начальство: диспетчеры, наставники. Пусть хоть это вечер будет его.

Танкер радостно свесило на рейде. Море было в огнях, в горы прятались в ночи. И горы и бухта были как за тысячу миль — тогда на Чукотке, в бухте Провидения, где я впервые услышала о капитане «Полетаева».

Я хотела написать о капитане «Кузбасса» Игоре Васильевиче Башмакове. Бесстрашный «кэл», которому море спускает с рук все, что никогда не пройдет у других. Море заодно с морем.

Я хотела написать о том, как мучительно ждал их Чукотка — в спялые туманы и бешеные штормы; как свернуло им руль льдами у мыса Шорлинга и как они вырвались у черта из лап, так что их упорство увековечило гд-то в морском руководе. И как Башмаков подполз к самым чукотским поселкам и как ускользал от берега в прилив по неуловимым извилинам дна. И гд-нибудь вернуться по шкваливому обвязку Чуть родом из Сингапура или Бомбея или про чистенький Роттердам, что запомнился своим спокойствием беспокойному капитану.

И ничего не получалось, потому что капитаны — это особый народ. И надо, наверно, самому быть капитаном, чтобы писать о них. Одностороннее, ощущение всего мира, море, ответственность человека, от которого зависит исход смертельной борьбы с океаном, и еще миллион других вещей создают этот ценный романиковоско осведомивший и вспоминаящими глазами. И как они держат друг за друга, как помнят имена своих бывалых коллег! Мне хотелось узнать подробности о рейсе «Кузбасса» на Чукотку, а Башмаков рассказывал о капитане «Полетаева» Станкове, с которым плавал когда-то на танкере «Сахарин». Рассказывая им историю парализма меня. Иначе и не качаться б мне этой простудной ночью в Новороссийской бухте, не ожидать, не

терпеливо и настырно, встречи с незнакомым мне капитаном.

В Батуми лил холодный дождь. Все было черное и порт, и город, и река. Дожда и глубине. Станков едва выбрался с рейда: все забыто битком. Катер мандался от борта и борту. Одесу бегали, Совостолы в осаде. Туапсе флегман Боннеулке ворочались среди асницев и торпедных катеров.

Ишь? — крипло спросил зеленый от бессонницы подполковник.

— Ну вот, видишь, опять ушел. Значит, счастливы!

Федор Яковлевич кивнул.

— Отец тво, говоришь, дьяконом был? Ох, и научил ты воем, дьяконом был! А что мне делать? Кого я должен послать, кого? А ты какникакая был своим.

Он отхлебнул холодного чая и посмотрел на Станова.

— В Батуми на рейде творится, видел? Адмирал жалется — танкеры им поперек горла. Сегодня опять был налет. Толчен, безобразия. Уходить надо.

«Нуда уходит?» — подумал Станков. — Что он говорит!

Перепонки еще ныли от разрывов. Ох, и бомбили ж в эту ночь!

— Э, да ты устал. Ну, иди, завтра тебе все снимут.

Станова перевели старпомом на «Сахарин», тяжелый по тем временам танкер. Готовность что-то серьезное.

В конце ноября сорон второго года из Батуми вышел затененный караван: ледоско «Минюлин» и танкеры «Сахарин», «Туапсе», «Ованес». Их сопровождал военный новейший под флагом контр-адмирала Владимирского.

— Притом Пасфоров, все узнаны», — сказал Станков капитану Придо. Адемон Помаранци, эстонец по национальности. — А пока мы итем протавять туркам надо.

В Босфоре продали содержимое танков и писемно заверили турецкие власти, что возвращаются в Черное море. Водруг ширяли конусовский танкеры под немецким флагом. Толпились любопытствующие рыбаки — небось, тоже на четверть немецкие шипоны. Лю требованию турок танкеры сорились стало не по себе, но гд-то, припривалась сумасшедшая, ушла на восток конка.

Капитан вызвал и себе Станова:

— Ну, теперь да могу открыть карты — путем прорваться на Инир, в Валуево. Путь поставят протукать, — не утиряться, если что пугет старшину.

Вместе с продовольственным прилавом тщательно упакованные тюки с досками, красной, тусклой Вичеро — капитан дал Станову фотоаппарат, пестром, с которым плавал когда-то на танкере «Сахарин». Станову было задушевно фотографировать танкер под этого безобидного турка.

Груза-то она поредела, а у нас какникакая у кормы.

— Трупу сремь, а трунку стелай! — усмехнулся капитан.

Шутка сказать — срезать на виду у всех трубу и поставить новую! А немецкий катер так и выписывал у самого борта неуга. Стали потихоньку ныть — борт поднялся лошадь-турок и английский командант Зонинган. Зонинган придирчиво обследовал танкер. Потом сказал Станову:

— Чуд, скоро будет дипломатическая почта, пожалуйста, приниите ее и передайте поскорее в свою мауту.

Дипломатическая почта выглядела странно:

ПОБЬЕТ "РЕКОРД" ГУРЫШЕВА?

Фото А. БУРДУКОВА и А. БОЧИННА

И тем не менее Александров в состоянии побить рекорд Гурьшева! Ему сейчас 28 лет. Этот необъятно техничный хоккеист сможет играть по меньшей мере еще 6—7 сезонов. Результативность Александрова в последние годы значительно выше средней результативности Гурьшева. 138 шайб забил за четыре последних чемпионата Вячеслав Александров, то есть в среднем почти по 35 голов за сезон [в турнире 1962/63 года он установил своеобразный рекорд: 33 шайбы; этого не удалось сделать ни одному из наших хоккеистов].

Следовательно, в течение трех ближайших чемпионатов Александров может догнать Гурьшева, а затем превзойти гурьшевский рекорд. Это, разумеется, прогноз, однако он основан на реальных статистических данных.

А кто еще способен на такой подвиг! Вряд ли это удастся великолеп-

ному форварду 33-летнему Константину Локтеву. Не по силам это, видимо, Владимиру Киселеву, Евгению Грошеву, Виталию Стану, Юрию Парамошину, Станиславу Петухову. Виктору Цыплакову, занимающим высокие места в числе лучших хоккейных снайперов. А вот Вячеслав Старшинов, Александр Альметов и Борис Майоров могут попробовать потягаться с гурьшевским рекордом.

Вперед у каждого из них примерно десяток лет выступлений на ледяной площадке. В последние годы по числу забитых шайб они лишь немногим уступали Александрову. Вот, например, данные четырех последних чемпионатов: Альметов забил 119 шайб, Старшинов — 111, Б. Майоров — 100.

Путь время станет судьей в законном споре бомбардиров советского хоккея.

Таким запомнили Алексея Гурьшева любители хоккея, теперь он стал одним из лучших судей.

А на нижних снимках вы видите двух претендентов на рекорд Гурьшева — Вячеслава Александрова и Вячеслава Старшинова.

«Крепкий актер»?

«ПОТОЛОК» РЕЖИССЕРА —

«ПОТОЛОК» ТЕАТРА

ЗРЕЛОСТЬ РЕМЕСЛЕННИКА

Они приходят на сцены сцен театров страны — из столичных студий, периферийных театральные училищ, самостоятельных драмкружков. Их имена то и дело всплывают звездами разной величины на разных театральные небосклоны. От них ждут многого, и много надежд возлагается на них — с ними должен прийти в театр молодой человек нашего времени, они должны принести на сцену дух и искания современности. В сотнях зрительных залов сидят их сверстники, еще не привыкшие Удовлетворять все свои духовные потребности с помощью телевизора; большая часть зрителей — молодежь.

премьер в год, и молодому актеру почти в каждой находится роль. Георгий Товстоногов сказал как-то, что не смог бы создать полноценный завершённый спектакль за месяц. Сегодня на периферии режиссеры, в том числе и не обладающие его талантом, силосо и рядом выпускают спектакль за 24 репетиционных дня. Об углубленной работе над ролью не может быть и речи — актеру ставятся как раз такие задачи, которые роль углубит, исследовать характер — это даже вредно, потому что на серьезную работу нет времени, а спектакль должен иметь вид завершенного. Он и имеет этот вид — за счет поверхностности прочтения.

К этому нужно прибавить еще и то, что роли, которые приходится играть молодым актерам периферийных театров, еще часто, слишком часто не принадлежат к высшим достижениям драматургического искусства. В течение ряда лет наблюдается весьма интересный процесс — первые места по количеству спектаклей упорно держат пьесы, которые в театрах Москвы или Ленинграда не идут (а если идут, то подвергают жестокому, но справедливому критическому обстрелу). Первые места они занимают за счет периферии.

И творческое отношение к искусству в самом начале подменяется отношением ремесленника. Создается и незаметно укрепляется ощущение, что делать искусство — это очень легко и просто: работать над непосредственностью и обаяния, плюс архаика смешных трюков, плюс барочное волнение или (смотря по обстоятельствам) трогательная дрожь в голосе — и образ молодого современника готов. И можно уже довольно спросить «Ваше?», когда тебе предлагают прочесть Сент-Экзюпери — дело ведь не столько в том, что парень, заданный этот вопрос, разумеется, ни к чему в искусстве уже не придет, сколько в том, что при существующем положении вещей он и дальше будет работать (то есть, служить) в театре и получать, даже такие, для которых по-

ЕГО ПОГУБИЛА ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мне рассказывали, как начинал этот парень. Молодой, красивый, обаятельный, он был преподавателем физики и играл в самостоятельную команду. Его заметили и пригласили в театр — молодых актеров с профессиональным образованием на периферии всегда не хватает. Он много играл — претендует роли за первые два сезона, — играл в хороших и плохих пьесах (в плохих чаще), играл положительных молодых людей и обаятельных негодяев. Все было при нем — темперамент, непосредственность и еще «искра божья» — талант.

А главный режиссер строил театр, который он любил называть героико-романтическим. Театр, в котором внешняя патетика и декоративность образов и спектаклей вытесняли жизнь человеческого духа. Актер стал популярным, любимым. Ему андировали зрители, его хвалили критики в местной и столичной прессе. Главный режиссер перешел в другой театр, потом в третий. Актер следовал за ним. Недавно я снова видел его на сцене.

Он играл гусяра эпохи войны 1812 года. Музыкант прекрасно сидел, улыбка была ослепительной, фигура стройной. Его по-прежнему андировали, и кто-то из поклонниц ночью ставил его фото с рекламного стенда на фасаде театра. А «искра божья» потухла. Осталась красивые позы, тщательно промодулированные интонации, ослепительная уверенность в том, что он успеха достоин.

Этапы его печального пути можно проследить сегодня в сотнях актерских судьб. «...Один из персонажей пьесы — штурман реактивного лайнера. Он очень любит Сент-Экзюпери, у него профессиональная и духовная близость с этим писателем и человеком. Режиссер спрашивает актера, репетирующего эту роль, читал ли он Сент-Экзюпери. «Нет». «Прочтите». «А зачем?»

«...Актер играет честного, умного и искреннего современного парня. На сцене на всех эти качества остается только молодость, все остальное заменено дешевыми комедийными трюками. Так пошел образ режиссер. Где сам артист, где его собственное мнение о том, кого он играет? Неизвестно. А в следующий вечер в другом спектакле другого режиссера он поражает точностью характера (касти, характера не нашего времени) и благодарной серьезностью исполнения».

Можно продолжать до бесконечности эти зарисовки с натуры, эту повесть о том, как приходит в театр молодой человек и через несколько лет становится «крепким актером». А что такое «крепкий актер»? У него репутация, у него опыт. Его можно срочно ввести в спектакль — с одо- ренностью, и он ничего не испортит. Он играет много, но сохраняя видимость разнообразия даже в одиотных ролях. В перспективе ему обещают почетное звание.

Как превращается в «крепкого актера» молодой человек, приходящий в театр? Да почти так же, как тот, с судьбы которого начался эта глава. Роли, очень много ролей: периферийный театр выпускает 10—12

требуется ничто большее, чем знакомство с Сент-Экзюпери. И будет играть эти роли и получать похвалы и повышения ставки, и поклонники будут приходить к нему в гости.

Можно, конечно, преодолеть все это — двадцать четыре репетиции на спектакль, плохую режиссуру и плохую драматургию. Некоторым удается. Чтобы преодолеть, нужен большой талант, огромная работоспособность и сопротивляемость всему ремесленному. Нужно то, чем обладают не все — большие таланты всегда мало. А просто талантливых молодых людей, как говорится, засасывает среда. Иной раз талантливый прошел через подполье периферийных театров (в том числе и театр, в котором начинал работать молодой учитель физики) и стал Смоктуновским. А когда стал, написал в ответе на один из вопросов анкеты, посвященной искусству актера: «Думаю, что актер, каким бы талантливым он ни был, все равно играет по образу и подобию труппы. Ее потолок — это и его потолок, масштаб мышления ее руководителя — это и его масштаб. Сейчас театр так организован, что любящие, самые талантливые актеры обязаны приспособиться к режиссеру, даже если этот режиссер посредственный».

А потолок руководителя труппы очень часто выражается сегодня в том, что этот руководитель подыра хвалит молодого артиста — и за удачные и за провальные роли: «чтобы молодежь не потеряла уверенность в себе». Он неискренне, этот руководитель, но похвалит всегда выслушивается охотно и всегда запоминается; а потом молодой артист, только что с грубейшим нажимом сыгравшая роль, встает на обсуждение спектакля, где ее за этот нажим окрикнували, и, изобразив на лице наивность, говорит, что вот в газете ее похвалили и на сцене спектакля тоже, и она просто не понимает, что же ей теперь делать, и тут же наивность исчезает, а остается апломб.

Каждый год зрители и критики с радостью отмечают десятки удачных дебютов — это молодежь входит в искусство. Ее возраст — 22—25 лет. А потом они взрослеют, обретают положение и вес в труппе, играют большие роли... а мы убеждаемся, что среди 30—35-летних большинство составляют «крепкие актеры». Творчество, горение, острота потребности рассказать о времени и о себе остаются где-то там, позади. Вместе зрелости художника — зрелость ремесленника.

Так бывает не всегда. Но бывает, и настолько часто, что нужно говорить об этом всерьез. Тревожатся реальное положение вещей, почитать реальное творческое богатство, которым мы располагаем сегодня, слышим порой в областном театре, что вот такой-то спектакль у нас не хуже, чем в Москве; ориентируются при этом на худсовет московские театры. «Не хуже, чем у других» — это критерий «среднего», «благополучного» уровня театра. Утвержденно этого критерия во многом способствуют «крепкие актеры», выступающие из молодых людей, идущих в театр по любви и призванию; сегодня слишком часто случается, что эта любовь губит лив тот художника.

Замечают ли они это сами? Когда как. Трудно заметить, если тебе

Борис ВОЛОДИН

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Открытие вирусов объяснило природу многих заболеваний, но не дало в руки врачей оружие против этого коварнейшего врага человека. В очерке, который мы предлагаем вашему вниманию, рассказывается о поисках такого оружия, о создании препарата, побеждающего многие виды вирусов. Сейчас трудно сказать, как далеко простираются горизонты, открытые этим «побочным результатом» генетических исследований, какие еще болезни, возбудителем которых является вирус, будут побеждены.

Не было еще Академгородка. Лишь укладывали краеугольные камни в фундамент Института гидродинамики — хозяйства Лаврентьева». Лишь колышки осей, вбитые в землю геодезистами, отмечали место, где причиталась вырости Дому цитологии и генетики. Не было еще сложного и нежного оборудования. Его еще заказывали на заводах и в организациях-импортерах.

Но науку уже делали. Уже заложили опытные участки. Уже выводили на них чудесную сахарную свеклу, выращивали помидоры-мутанты, «фертильную» кукурузу, облученный ячмень и овлептуху. «Ту-104» за пять часов переносил в Москву или из Москвы. Летали ча-

ДНК-АЗА - ПРОТИВ

В ВИРУСОВ

Почему все-таки на один препарат претендует два человека? Правда, Рудольф Салганику и его коллегам есть над чем поломать голову.

Вот он — растров ДНК. Это не лента ли, совсем альфацелью, а скорее обычных флюидов чикада.

начал эксперименты, и к этому в Институте питания отнеслись спокойно, ибо у Салганика была здесь репутация серьезного работника, от которого тем больше пользы, чем больше у него самостоятельности.

...Или одна профессия не оставляет, пожалуй, столь прочного следа в складе человека. Врачи, бывает, уходят из медицины. Уходят в сутубо теоретические области науки или берут другое призвание. И все же внутренне они не перестают быть врачами.

Было или не было дано им в торжественной обстановке корпоративное общение — «биператор» клятвы, врач всегда будет помнить о святой обязанности помогать всем, кто нуждается в его помощи, не избав-

ляется от привычки тануться и запылять упавшим на улице человеком, чтобы прощупать его пульс, не избавится от привычки оказывать первую, порой самую важную, самую необходимую помощь, мобилизуя все, что сохранилось в памяти. Если по духу он истинный врач, конечно.

Генетики даже в самую темную пору как могли пытались продолжать свою науку. Отчаянно мешала оторванность друг от друга. А молодые генетики подчас просто не знали, где живут и где работают люди, по чьим статьям и книгам они приближились к этой науке. Не знал и Салганик, пришедший в биохимию наслед-

ственности от изучения процессов биосинтеза белка.

Однажды, приехав в Москву на конференцию, где-то в кулуарах, в шумном разговоре Рудольф Исосифович услышал фамилию Дубинина. Фамилия была известной. Салганик помнил громкопечатные статьи и речи, в которых противники генетики склонялись все на все лады с обязательным приложением длинного эпитета «менеджист — всезнайка — морганист, а равно и других — «порочнейший, «погрязший», «неразвращеннейший». Но Рудольфу Исосифовичу было известно, что, кроме эпитетов, Дубинину принадлежали еще и важнейшие работы по теоретическим проблемам генетики, именно по тем вопросам, которые то и дело привлекали внимание его, как только он начинал рассказывать свои опыты с клеточными вздрами.

Прислушавшись к разговору, Салганик понял, что Дубинин по-прежнему остался «погрязшим в генетике, что он — в Москве и очень интересно работает. Отступив раз от правил хорошего поведения тем, что вслушался в чужую беседу, Рудольф Исосифович решил отступить и второй: спросил, не могут ли коллеги, беседовавшие о Дубинине, поведать, где расположена его лаборатория. Коллеги поведать, и Рудольф Исосифович точно же отправился на тогдашнюю московскую окраину — теперь, через девять лет, она считается уже почти «центром». Отыскал неизвестный домик и, представ перед членом-корреспондентом Академии наук Николаем Петровичем Дубининым, сказал:

— Мне нужно с вами посоветоваться.

При следующих посещениях столицы Рудольф Исосифович, конечно, снова приходил в этот домик, где всегда пахло «арозофильной кухней» — варевом из агар-агара, яблок и дрожжей, которыми потчуют плохую мушкетера-мушкетера крошечных тарелок, раскрывших науке одну за другой тайны «мутаций и «рекомбинация» генов. Он рассказывал Дубинину о том, что творится у него в опытах с клеточными вздрами, и Николай Петрович обсуждал с ним эксперименты, уже сделанные, и беды генетики, еще не завершившиеся. Вокруг названных предметов и шли их беседы.

О вирусах Салганик тогда не произнес ни слова. Не отказались завести разговор о теме, которая ему самому казалась тогда скользкой. И вот однажды вечером, когда Рудольф Исосифович сидел у себя дома в киевской квартире и думал невеселые думы, что для работ с вирусами при таких темпах понадобится много лет, трагедия «отваддомом» снарядом... (Еще Чехов заметил: «В рассказах часто встречается это «вадрут»). И так, вдруг зазвонил телефон, и в трубке послышался голос Николая Петровича Дубинина. Он просил Салганика немедленно приехать по крайней важному делу.

Взав назватор отпуск за свой счет, Рудольф Исосифович сел в скорый поезд и спустя еще полчаса суток появился в домике Дубинина.

Николай Петрович спросил его для начала о работах и замыслах. И тут Рудольф Исосифович отвлёкся рассказать о своем деле с вирусами.

— Это очень интересное — воскликнул Дубинин. — Это должно получиться. Все это теоретически верно! Это то, что нам нужно. И вы, Салганик, а помолчал, улыбнулся и произнес совсем другим тоном:

— Так вот, Рудольф Исосифович, вас пригласил не просто Дубинин, а директор-организатор Института цитологии и генетики Тегуза и назвал на дня того, чтобы вы ошутили третлет перед административной личностью. Не согласитесь ли вы прийти в этом институте заводоуправлению лабораторией «микробиологии» Института это нет. Здания института тоже нет. И города под Новосибирск, в котором этот институт будет, тоже нет. Но все будет: город, институт, здания, микроинститута радом. Контакты. Теснейшие контакты, комплексные работы вместе с химиками, физиками, математиками. Новейшее оборудование. Будет заказываться наука, которая начнет отсчет своих дел с сегодняшнего же дня. Согласны? Кое у кого наш институт является большим в глазу. Отбавиться куда сложнее, чем создавать институт, и очень важно — с первых дней поставить параллельно с теоретическими работами деланное принципа работы, которое дадут практический результат а самое близкое время. У противников главный козырь — так называемая «бесплодность генетики». Что они скажут, когда через два-три года мы выддим цветную свеклу, полиплоидную сахарную свеклу и наши противников вирусные препараты? Ведь все это подлинныя плоды генетики.

(Автор считает обязательным сделать здесь такое примечание: монолр члена-корреспондента АН СССР Н. П. Дубинина не был ни эстенсографирован, ни записан на пленку. Поэтому, может быть, нашше изложение речь его приобрела строй, несвойственный Николаю Петровичу. Может быть, слова были другими. Наверняка пропущены и наверняка упущены некоторые мысли. Самое главное — в том, что все, о чем Дубинин тогда говорил, осуществлено. Впрочем, не надо приписывать Николаю Петровичу особого пророческого дара. Он не лиффа. Он ученый.)

Некий из безразден препарат, но, чтобы дать его людям, нужно наладить промышленный выпуск, разработать технологию, построить установку на фармацевтических заводах, обучить рабочих, истратить сотни тысяч рублей.

Принятые у нас правила лабораторных и клинических испытаний очень строгие. Можно быть даже слишком строгим, но пойдем и медиков. Ведь их сизмала учили: «Вопервах, не повреждайте!» И у них в памяти свежа развивавшаяся в Бароде трагедия «отваддомом» снарядом, оказавшимся сильнейшим ядом, с лекарством «благодаря» которому население Европы пополнилось несколькими тысячами уродов.

И потому медицина столь строго придерживается — жесточайших правил лабораторного и клинического эксперимента, не допуская из них исключений, требуют от авторов, имеющих несчастье предпринять новое лечебное средство, тоннейших ответов на множество теоретических и практических вопросов.

Чтобы ответить на них, Салганику и его товарищам — биохимикам и вирусологам, работавшим над вирусами и вирусами в Новосибирском институте цитологии и генетики, пришлось трудиться много месяцев. Пришлось научить делаться на разные вирусы, а вирусы то и дело преподносили всевозможные

РЯЗАНСКОМУ ВОЕВОДЕ С ТОВАРИЩАМИ

Пожелтевшему листу бумаги 240 лет. Это указ, извещающий подданных Российской Империи о смерти Петра Великого и назначении Мануфакта о возмещении на престол Екатерины I. Он скреплен подписями могущественного воеводы и любима царя Александра Меншикова и других вельмож, будущих членов «Вехового тайного совета».

«Как был назначен в Санкт-Петербург при Сенате 31 января 1725 года, через три дня после смерти Петра, и разослан по всем воеводствам русского государства. Оригинал воспроизводимого нами указа, моего лет хранящийся у старейшего книголюба, собирателя редких книг и автографов Э. Ф. Ципеллова, был послан в Рязанское воеводство».

Кто же они, «птенцы гнезда Петрова», его ближние помощники и соратники, подписавшие документ? Меншиков, сын придворного коноха, но пребитый, в молодости творивший пирогами, расписался размышлительно на две строки только именем и фамилией, не упомянув своего титула «светлейший князь и фельдмаршал», а ровесити князя и графа Головкин, Голицын, Долгорукий, Толстой и другие указали свои титулы.

Среди именитых фамилий затерялся подпись Якова Брюса, наблюдателя за типографским делом в России и автора знаменитого «Брюсова календаря».

Подписал указ и граф Апраксин, самый сухопутный генерал-адмирал, ничего не смысливший в мореходстве, прославившийся лишь своим рабством и злобословством.

По свидетельству историка В. О. Ключевского, все эти люди, в чью ружь оказались судьбы России, после смерти Петра не имели ни способностей, ни охоты преодолеть его дело.

ПОБЕДИТЕЛИ VIII ОЛИМПИАДЫ «СМЕНЬ»

Знакомилось традиционное значное шахматное соревнование наших читателей в нынешнем году и трех туров олимпиады «Смень» и турнира ювоничков участвовало более 25 тысяч читателей нашего журнала. Журни по результатам шахматной олимпиады приспосило 12 200 участникам разряды по шахматам и выслаало соответствующие классификационные указания по шахматам.

Все ответы, анализы и решения, представленные участниками трех туров олимпиады, рассмотрены журни. Определены победители шахматного туру (забор задач и этюд) — 246 человек, по итому журу (организация и проведение турниров) — 208, по третьему, заключительному туру (интервью) — 77.

Лауреатами восьмой шахматной олимпиады стали участники, набравшие наибольшее количество баллов во всех турах — 60 из 60. Вот их имена:

Виктор Желтухов, сборщик автобатов (село Сабурово, Курьяльдинский район, Челябинский область);

Григорий Липчанин, инженер Главнаша Министерства связи СССР (г. Москва);

Александр Манушин, инженер автобатов (село Сабурово, Курьяльдинский район, Челябинский область);

По предложению журни отмечены также группа читателей, активно и удачно выступивших в восьмой олимпиаде: **Михаил Бачневский**, столяр (г. Иткуль), **Иван Васильев**, рабочий ткацкококова (г. Назарово, Красноярский край), **Георгий Глухарев**, печатник (г. Москва), **Альберт Григорин**, инженер-электрик (Вайды, Армянская ССР), **Геннадий Девдин**, инженер-технолог (г. Свердловск), **Владимир Казацев**, бригадир грузчиков (пос. Шахтерский, Аладарский район, Чукотский национальный округ), **Владимир Круписин**, фрезеровщик (г. Караганда), **Николай Марков**, учитель математики (село Городища, Новгородский район, Валдайский область), **Ормысар Омаров**, военный моряк, **Иван Писанец**, шахтер (шахта имени Шевченко, Красноярский район, г. Дзержинский), **Вера Смирнова**, сотрудница научно-исследовательского института (г. Сухуми), **Александр Смольячев**, рабочий металлургического завода (г. Териатау, Казахская ССР), **Юлия Виктория**, солистка районного Дома культуры (г. Дигора, Северо-Осетинская АССР).

Виктор Желтухов

Григорий Липчанин

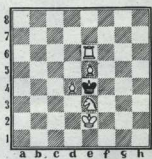
Александр Манушин

Редация благодарит всех читателей, принимавших участие в значительном значном состязании, и приглашает любителей шахмат в нашу очередную, девятую олимпиаду, которая начнется в январе 1966 года.

В ЧЕСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Одни из призеров нынешней олимпиады, печатник типографии Александр Глухарев, составил остроумную задачу-минитурну, посвященную победителям олимпиады. Прежде чем приступить к решению задачи, обратите внимание на исходную позицию фигур на шахматной доске изображенной единицы, символизирующая первое место.

Велые начинают и дают мат в три хода.

ТАКИ БЫЛО

свечами. В четырех углах комнаты сидели четыре человека и что-то писали. Нищему стало неуютно.

— Для того, чтобы заработать пять франков, — проговорил барон, — вы должны влезть этот гроб и отнести его в погреб. Я провою вас... Он помог нищему попомнить гроб на плечо и влез савку.

Нищий повернулся к двери.

Вдруг он почувствовал прикосновение холодных пальцев к горлу. Нищий вздрогнул и чуть не выронил носку. Пальцы смыслились. Нищий обернулся и сидящий в комнате.

Что это знает? — изумленно спросил он.

— Вы заработали пять франков, — ответил барон, подавая ему деньги. — Нам

нужно было увидеть лицо, иснаженное ужасом.

Через а вгляд быстро рисовали.

Нищий схватил у одного из сидщих карандаш и бумагу. В течение двух минут нарисовал что-то и подал нищему барону. Тот от изумления едва не выронил его из рук. На листке были изображены четыре сидщих в комнате с лицами, иснаженными различными гримасами утаса.

— Кто вы? — спросил барон.

— Я бедный испанский нищий, — прошил тот, направляясь к выходу. — Мне было в Фансиоко кой-... И я от треском захлопнул дверь.

То был величайший художник мира, обладавший своей вен на городских стенах.

вить... Уж я и ругал его за то и Христом Богом велел отстать, а он, баялоло, манни заводит меня — «гробун да «гробун... Так он довел, промлял, до греха, проста меня господина. — И обманувший, еще больше горбился, залапала. Один из новоявленных, наклонившись к нему, ускакивал.

Поднялся адвокат, молодой человек в шелковой бране. Он поступил карьерою по станку и, дождавшись тишины, прошептал традиционную вступительную фразу:

— Господа присяжные заседатели!

Все головы повернулись в сторону адвоката. Тот подошел к минуте и тем же тоном повторил:

— Господа присяжные заседатели!

Снова пауза.

— Господа присяжные заседатели! — в третий раз проговорил адвокат.

Не угодно ли вам перенести и деку, милостивый госуда? — строго обратил ся он к адвокату.

— Сколько же раз повторить одну и ту же! — гневно выринул один из присяжных.

— Господа присяжные заседатели! — снова повторил адвокат. — Я только делю обидно повторю ваше весьма почетное звание, и вы уже гневаетесь. А мой подзащитный целый год слушал, как его обидно обязывают горбуну и жалуют ему поспорье в могилу. Мудрено ли, что он не выдержал такой нагрузки и вышел своего обидчика... Вот, собственно, и все, что я хотел сказать, господа присяжные заседатели.

Последние слова адвоката были вознаказаны громким аплодисментом. Судья объявил перерыв.

...Присяжные единодушно вынесли вердикт не виновен. Подсудимый тотчас же был освобожден из-под стражи.

— Мы и так знаем, что присяжные заседатели. Пора уж и дело говорить... — раздался в четвертый раз.

— Господа присяжные заседатели! — в публике посыпались смехи. Слушатели дела об убийстве превращались в нахорош фарс. А адвокат между тем продолжал монотонно повторять одну и

Это было одно из первых выступлений знаменитого русского юриста Фаддея Никифоровича Плеваню.

А. А. ЮКОВЛЕВ

„УЛЬТРА-СИ“

Андрей КУЛАКОВ,
мастер спорта

Фото мастера спорта
В. САФРОНОВА

гимнастике существует такое понятие — «апачаппение». Это величина непостоянная. В 1952 году на Олимпийских играх в Хельсинки советские гимнасты поразили мир невероятной отточённостью исполнения. Через двенадцать лет, на Олимпиаде в Токио, впечатление стало другим. Уже недостаточно было держать ноги безукоризненно прямыми. Требовалось показать такое, чтобы зритель ахнул. В упражнении появился центральный элемент — трюк. Японцы назвали его «ультра-си». Изменился и стиль исполнения. Упражнения стали более динамичными, с часто меняющимся ритмом.

Прошел год, и вот в Киеве и в Москве снова встретились гиганты гимнастического мира — сборные команды СССР и Японии. С огромным интересом все ожидало ответа на вопрос: каким эталоном будет теперь измеряться большая гимнастика!

Самолет летел из Киева в Москву. Мое место оказалось рядом с Такаси Мицукурри, членом японской «эпопэи» сборной в Риме, Праге и Токио. Я расспрашивал Мицукурри об известных японских гимнастах, которые на этот раз не привезли в Советский Союз. Такаси рассказал, что Юнито Эндо много тренируется, разучивает новые элементы. Его упражнения, если оценивать их с позиции будущего, недостаточно трудные. У Хатты, олимпийского чемпиона на кольцах, несчастие. Разучивая сложный акробатический прыжок, он получил тяжелую травму. А Хирохиро Ямасита пребывает пока на седьмом небе — у него медовый месяц. Любопытно, что он взял фамилию жены и теперь именуется Мацуда. Впрочем, несмотря на свадебный отпуск, Ямасита-Мацуда тренировок не прекратил и успел разучить новый виртуозный прыжок. Я поинтересовался: какой именно! Мицукурри достал блокнот и начертил. Ага, ясно: сальто

вперед толчком, а ближнюю часть кося.

— Он теперь будет называться «прыжок Мацуды», — сказал Такиси.

Но я послышал его разочарованно: этот прыжок еще год назад показывал гимнаст из Армении Альберт Азнавурян. А сейчас его выполняет у нас довольно много гимнастов.

— Почему же его никто не показывал на встрече в Киеве! — спросил Мицзукири.

Я ответил, что, как это ни странно, застрельщиками нового у нас являются зачастую молодые гимнасты. Им, так сказать, нечего терять, они не боятся риска. Мицзукири улыбнулся.

— У нас то же самое.

И назвал несколько сложных элементов в разных видах, которые в Японии делают только молодые спортсмены. К слову сказать, все

эти «ультра-си» исполняют и у нас.

Здесь я хочу прервать свою беседу с Мицзукири и поделиться многоразлики размышлениями о молодых спортсменах и «новой волне» в гимнастике.

Матчи в Киеве и в Москве неспроста назвали «встречи года». Это перекрестком, на котором сошлись пути-дороги советской и японской гимнастики. На этот раз успех выпал на долю наших мастеров, и это, конечно, радует. Но не следует забывать, что через год в западногерманском городе Дортмунде состоится чемпионат мира, да и Олимпиада в Мехико уже не за горами. Победит тот, кто правильно выберет новые пути подготовки по выводу, сделанным после «встречи года». Она показала нам картину сегодняшней гимнастики и проткрыла завесу над Будущим.

Занять место в национальной сборной, вытеснить оттуда ветеранов можно только одним путем: превзойти

См. стр. 26.

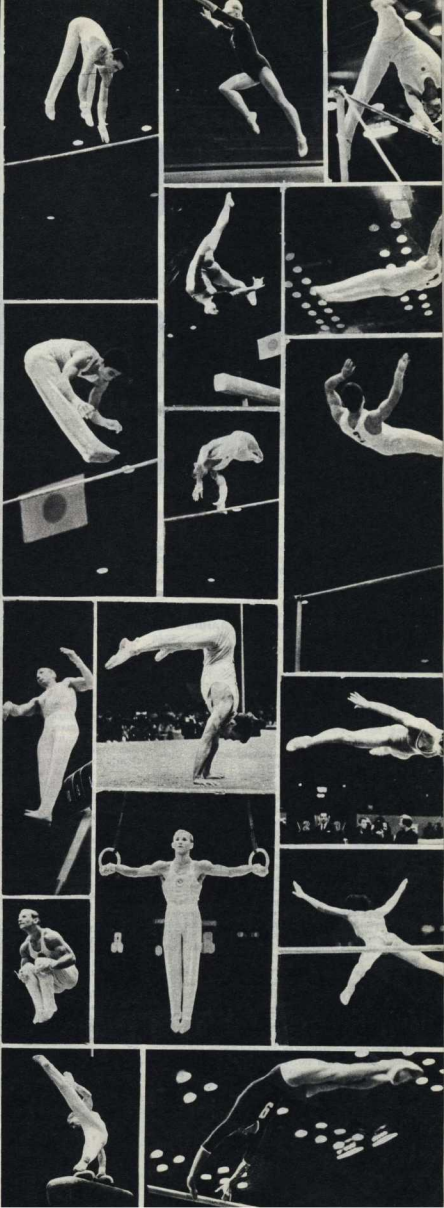

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Шесть строк для Лейки и Мити

РАССКАЗ

И давню Митя завел себе настольный календарь. В то утро, перекинув листок, он обнаружил четыре пометки.

Первая, в верхнем углу листка, наискосок: «ЛАСТИК». Притом начальные буквы были заметнее крупнее, чем остальные, так что слово как бы скопало на нет.

Вторая запись: «11 ЧАС.—ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА».

Третья, такая же четкая: «ИРИНА — ЧАСОВ В 7—8, УТОЧИНИТЬ».

И четвертая, опять какой-то косая: «СВ. Д. РОЖДА.— ПОПОЗЖЕ».

Итак, Митя в тот день предстояло сделать четыре разных дела.

1. «ЛАСТИК».

В сущности, это слово означало вот что. Позавчера позвонил Лейка и сказал:

— На днях поехали? Брось, у меня тоже доклада, но сезон ведь кончается... Что? Бронки поправились? Ну, это не принципиально. Погода, дай подуматься... Есть Завтра? Нет, завтра у меня конференция, а вот 16-го займемся. Мне тоже свитер нужен, а ты себе порты подберишь. Значит, теперь бываю бронки-ластик, дай саламона — идеальный вариант... Что? Но тебе же все равно придется всерьез переходить на лыжи. Или ты, как мальчишка, все будешь на каток бегать?

И Митя пометил в календаре, что 16-го ему предстоит заняться приобретением бронки. Но на листке уже значилось: «11 час.—Заседание ученого совета». Поставить рядом какие-то лыжные порты, хотя бы и «эластик»? Нет, Митя черкнул в углу листка, наискосок, явно небрежно: «Ластик».

И сделав зарядку, Митя взялся за телефон: друг Лейка имел обиходное извещать рано.

— Зря ты тогда не поехал, — сказал Лейка. — Скользящие идеальное, отвлечено походами. Кстати, что на лето предполагаешь? Подвойной слоты еще не завалилась? Пора, милый, пора! Из студенческих планов ты уже вышел. Короче, имеется возможность примазаться к одному дельцу — у него диссертация по геофизике морского дна, а это немалое консультаторство. Аккаунты и все прочее обеспечено. Что? Ах, насчет бронки? Я уже озвонился, сегодня пойдем.

Митя сказал, что сегодня у него, возможно, от-

ветственное свидание. Да, с Ириной. Но, может быть, прихватить ее с собой?

— Это опасно, — предостерег Лейка. — Если вы уже начинаете вместе приобретать бронки и вообще мебель, то это опасно. Ты уже не мальчик.

Но Митя ответил, что со стороны Ирины эта опасность...

— Не грозит, думаешь? — перебил Лейка.

— Не страшн! — поправил Митя.

Лейка сказал «хвалю за храбрость», договорился созвониться и вместе поехать. Потом у Мити было заседание ученого совета, потом они уточним насчет Ирины, но она еще не приехала. Потом зашел за Лейкой, и они влопотую приступить к тому, что в календаре обозначалось словечком «ластик».

— Они подошли к комиссионному магазину точно к закрытию, их пропустили посадившими, а после них уже никого не пускали. Лейка представил Митю интеллигентной кассирше:

— А это мой друг, тоже молодой ученый. Дамы представляла Митю почтеной приемщице:

— А это Ленин друг, тоже молодой физик.

Митя хотел было уточнить, что он не физик, а историк, но сдержался: увы, историки котировались в обществе и в комиссионных магазинах значительно ниже физиков. Женщины были очень любезны и не слишком дельными. Они назвали Лейку и Митю «ребятами» и все сооржались, как бы подобрать им что-нибудь подогорить и подоступить.

— Ладно, сделаем, завтра заходит!

Митя потом поинтересовался, велика ли будет наценка.

— Да ты что! — сказала Лейка. — Что мы, миланеры или спекулянты? Ну, проведу ихних дочек на какой-нибудь вечер в Институт физических проблем, дам в Институт физхимии, дам к биофизикам. Все в масштабах любезности.

2. «11 ЧАС.—ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА».

Сделав зарядку, Митя поспешил в институт. До начала ученого совета он успел перетворить с шефом насчет темы своей диссертации. Год назад, когда шеф предложил эту тему, она показалась Митя неинтересной, неактуальной, неперспективной, наконец. Но шеф тонко угадался и сказал: Плох тот историк, который не умеет предвидеть будущее. Через год-полтора эта тема всплыла.

Митя поверил и теперь не раскаивался. Тема

действительно всплыла, а после недавних событий оказалась просто актуальной, вот так!

Шеф вел заседание в темпе:

— Ну, что тут у вас? Для энциклопедии заказали статью по истории ремесла в Киевской Руси. Я полагаю, это тема профессора Кладовникова, с него и выйдем. Но поражают, Геннадий Платонович? Так и запишем. Теперь еще: звонили из Министерства иностранных дел, просили справку о русско-турецких торговых сношениях в 1910—1914 годах. Это, конечно, дочку Зибелю поручим...

Митя уважал шефа. Крепкий мужик, по-хорошему правый. Такие не только изучают историю, такие сами ее делают. Вот только Ирина придомит ему лампашиной или еще кем-то, получится вроде как бы...

— Еще одно дело, — продолжал шеф, — из Учпедгиза сообщали, что выделена сумма на ученого консультанта для учебника истории СССР 4-го класса начальной школы по теме «Польская интервенция начала XVII века. Аждадмитрий И. Сумма, правда, небольшая, но и тема должна удолжиться не более чем в шесть строчек текста. Ну да, учебник-то для начальной школы. Кто возьмется?

Доктора и кандидаты исторических наук пока жалейте.

— Ну вот что, поручим эту тему товарищу... И шеф назвал Митину фамилию. — Он у нас аспирант первого года обучения, но сличком затружен, справится, в подавал. Возражений нет?

Тут Митя робко заметил, что начало XVII века, Аждадмитрий — это же совсем не его тема, что он как-то не уверен. Но шеф все это отвел: мало ли что, он же историк, а не узкий спецнаучник, в сущности, не сличком научный, но все равно заглянул в библиотеку и выписал третий том Ключевского и монографию Костомарова «Кто был первый Аждадмитрий». Пока библиотечка старомодна за книжками, Митя позвонил Лейке, чтобы отложить на часок оба.

— Почему? — спросил Лейка. — Что, что? Ради шести строчек откладывать дела? Ну вот что, берите карандаш, пиши: «с начала XVII века — году

в 1605-м, что ли?—эх, память уже не та стала!—так вот, в начале XVII века ставленник польских панов беглый монах Гришка Отрепьев назвал себя сыном Ивана Грозного, царевичем Димитрием, и сверт царя Бориса Годунова. Но через год, в результате народного восстания польские пановы и их сыны были изгнаны из Москвы, а их ставленник Акедимирий I был убит, его праком зарвали пшуху и выстрелили в ту сторону, откуда он пришел». Вот так! Если «прах» не укладывается в шесть строк — вычеркни, да и начальной пшухой и так сойдает. Жаду тебя в «Молодежню» кафе.

Что ни говори, физики — люди высшего сорта! Вот Левка — зачем ему знать про Акедимирия, да еще в каком году он сел на московский престол? Митя поддался Костомарова и хотеть уже слыть князем; Левка исчерпывался тем.

Впрочем, почтеннейший Н. И. Костомаров почему-то — что-что?! — высказывал сомнения: действительно ли Акедимирий был аке-Димитрием или он был подлинным царевичем? «Легче было слыть, чем подавать Димитрия» (стр. 72). Во всяком случае, Гришкой Отрепьевым он быть никак не мог, поскольку существовала реальная монах Гришка Отрепьев, про которого в точности известно, что он забулдыга и горький пьяница и лет на десять старше дровяка.

Тема оказалась, чуть-чуть занятной, чем Митя предположил сначала. Он перерыл еще груду источников и историков и вот что выписал в свою тетрадку про Акедимирия I:

1. Энергичный, умный, образованный. «Строгою смысла и ученым книжкам себя даявлю искусен». — 2. Храбр до удалства, нигуть не жесток, «а оносчиков и доводчиков наказывать повелевал». — 3. Еще в Польше помолвлен с Мариной Мишкек, но в Москве приблизил к себе царевну Ксению, дочь бывшего царя Бориса Годунова; Ксения же была «целом бела и млечна, волосом темна и бровями сокозна».

4. Издавал указы, облегчающие положение крестьян и холопов. «Народ любил Димитрия и не хотел знать в нем Гришкина».

5. Восстание, а точнее, боярский заговор свершился под обманым асунтом: «Полкии быст царя, бей поляков!» Народ бросился бить поляков, а бояре «спасать государя» — под этим предлогом они окружил Димитрия и убили.

6. «Молодой человек, неокрасный, рыжеватый, с грустно-заулычивым выражением лица... Его личность доселе остается загадочной».

Митя протрчал в библиотеке до вечера — все равно обедать опоздал, а свидание с Ириной не состоялось, потом навис зевинт в комиссионный магазин. Левка насчет Акедимирия так сказал:

— Черт знает чем люди занимаются! Ну какое это имеет значение: самозванец он или нет? Все равно он был ставленником польской интервенции. А главное, какое это все имеет практическое значение?

Митя ожесточено спорил, но про себя подумал, что Левка в чем-то прав, как всегда.

3. «ИРИНА — ЧАСОВ 7—8. УТОЧНИТЬ».

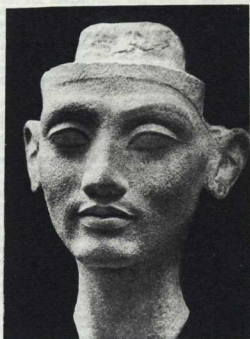
Митя позвонил из библиотеки Ирине, чтобы уточнить, приехала ли она наконец со своей предпимной практикой.

Митя знал абсолютно точно: на Ирине слмадут жениться. Как у всякого человека его возраста, у Мити насчет женитьбы уже выработались определенные взгляды. Ирина отвечала всем критериям. Например, если определять любовь как «сверхуважение», то Ирина, безусловно, таковое заслуживала. Она агнцность! Со своими взглядами на жизнь, на искусство и вообще со своей дорожкой в жизни, без этого вечно женского «как скажешь, дорогой, как прикажешь, милый». А если считать, что любовь есть «неислание никого другого», то Митя был просто уверен: Ирина — единственный человек, которому он никогда ни за что ни с кем не изменит. А какой-нибудь другой жене — это еще как сказати! Если же любовь — это «стимул к самосовершенствованию», то именно при такой жене, как Ирина, любовь мужнина будет чувствовать себя неспокойно: она горячая, чего доброго, скорей тебя диссертацию защитит. А если любовь — это «половое влечение»? Что ж, очевидно, без этого. Ну какие еще бывают определения любви! Вот только Ирина приходится шпеху пшамяющей — получается вроде как бы... Но на этот счет Левка сказала в общем-то бесспорную мысль:

— Да, это можно поставить ей в упрек, но прежде необходимо доказать, что это недостаток.

ПОРЕТЫ ЦАРИЦЫ НЕФЕРТИТИ НЕОБЪЕД ТИТИ

Профессор В. ПАВЛОВ

Три с половиной тысячи лет протекло со времени создания скульптурных портретов царицы Нефертити. Через века и тысячелетия прошли образы великого искусства Древнего Египта. Они пленяют современного человека звучными образами и чувствами. Таков удел подлинно большого искусства, рожденного гением человека.

Я буду говорить здесь не только о прославленном раскрашенном портрете Нефертити, но и о некоторых других скульптурных портретах царицы, по-своему, быть может, не менее значительных.

Почему возникла столь значительная и веховые явления в египетском искусстве начала XIV века до нашей эры?

Фараоны периода Нового царства — это середина второго тысячелетия до н. э. — вели широкие завоевания государств Передней Азии. Одновременно шла завоевание Нубии и подчинение островов Средиземного моря. В своих походах египетские цари опирались на военную знать и жеречество, которое они отдавали в медальоны угодьями и земельной дачью, получаемой из завоеванных стран. Среди воеводных вельможных по архитектуре и убранству памятников особенно выделялись святилища верховного бога Амона Ра и Фивах — столице периода Нового

царства. Чем больше экономически крепла рабовладельческая знать и жеречество, тем больше приобретали они политических прав, становясь грозной силой, противостоящей царской власти. Конфликт разразился на рубеже XV и XIV веков до н. э.

Юный фараон Аменхатет IV, опираясь на средние слои населения, провел религиозно-политическую реформу. Утратил новый культ бога Атона — всеми видимого солнечного диска. Это учение о единобожии нанесло тяжелый удар по консервативному фиванскому жеречеству. Храмы, почитавшие старых богов, закрылись, их имущество конфисковалось. Ломка старых устоев касалась не только религиозно-культавых представлений, но самых разных областей жизни. Изменилось даже имя царя, который отныне стал называться Эхнатон, что означает Дух Атона. Столица была перенесена на новое место, расположенное в 300 километрах южнее современного Каира. Город получил название Ахетатон, то есть Небожол Атона. Трудно даже представить, с какой быстротой возник новый город с его храмами, ярко расписанными дворцами, жилищами домами.

Лучезарному солнцу Атону была посвящена и гимн — одно из веховейших литературных сочинений древневосточной лирики. Гимн это — хвала природе во всем многообразии ее проявлений, форм, голосов и кра-

сок. Вспомните в эти строки: «Деревья и травы зеленеют; птицы летают в своих болотах; крылья их ведают дух твой, скот считает луга и птица похает — все живет, когда ты смотришь на них. Корабль плывет вверх и вниз: все пути открыты при сиянии твоём; рыбы речные скачут пред тобой; лучи твои проникли в глубину морей. Ты производишь потомство людей, оживляешь ребенка в утробе матери, успокаиваешь их, чтобы они не плакали.» Кончатся гимн такими словами: «Сотворил ты небо пространством, чтобы сыграть на нем и обогатить все, что сотворил. Ты сияешь в образе Атона: все глаза обращены к тебе, ибо ты дневное солнце над землей.» Лучшей вальсострашей к этим строкам могут служить росписи на дворцах, гробницах и частных жилищах города Ахетатона. Поля царского двора расписаны пышной растительностью; мы видим здесь дивных уток, вылетающих из зарослей папирусом, и бегущих галопом быков.

Политическая реформа Эхнатона, направленная против рабовладельческого аристократии и старого, консервативного жеречества, повлекла за собой не только ломку старых представлений, но и установление нового уклада жизни в новой столице. Элементы демократизма и гуманистического отношения к человеку проникают в искусство этого времени. Царь не трактуется больше как непреступ-

ный, обожаемый фараон. Он человек. На рельефах и росписях он изображается в кругу своей семьи. Он ласкает своих детей, или вместе со своей женой Нефертити бросает с высоты балкона драгоценные подарки своим подчиненным, или мчится с царшей на колеснице.

Сейчас город Ахетатон чаще называется Амарной, по современному названию поселения, возникшего на месте древней столицы Эхнатона. Больше того: весь этот период совпадает с началом правления Эхнатона в начале XIV века до нашей эры, что называется Амарнским.

Амарнское искусство — высшая точка в развитии всей Древнеегипет-

ской культуры периода Нового царства. Оно собрало в себе лучшие достижения искусства предшествующего столетия и вместе с тем создало его теплом человеческих чувств и невиданной раньше прелестью.

В особенности это относится к тем сценам из семейной жизни фараона, где он изображен с царшей Нефертити в окружении своих дочерей. Каким теплым опуханием жизни проникнуто на одной из росписей дворца изображение двух беседующих девочек, сидящих на узорчатом ковре! Как красива эта композиция! Здесь не забыты традиции декоративного искусства Древнего Египта и вместе с тем как много в ней жизненной правды. Еще трогательнее сцена сияющих царя с царшей на рельефе из гробницы Меритат. Царица Нефертити протягивает фараону чашку с вином, а рядом стоят две ее крошечные дочки. Но встречаются и композиции, проникнутые подлинным трагизмом. Таков, например, рельеф, изображающий смерть царевны Меритат. Над мертвой царевной горестно склонился Эхнатон с Нефертити. Их лица с высоко поднятыми руками полны скорби.

Несомненно, Нефертити была не только любимой женой Эхнатона, но и близким другом, тонко познавшим его духовные устремления.

Все дошедшее до нас скульптурные портреты царицы проникнуты высокой человечностью и той реалистической правдой, которая требует большого художественного обобщения.

Портрет Нефертити в высоком боковом уборе был найден при раскоп-

ках Амарны в 1912 году. Здесь была обнаружена целая скульптурная мастерская. Находки в этой мастерской позволяют проследить весь процесс работы мастера, начиная с изготовления гипсовых слепков, последующей их обработки и кончая созданием скульптурных портретов в камне. Среди множества обломков в мастерской был найден и кусочек крышки из слоновой кости с именем «начальника работ скульптора Тутмоса». Видимо, он был главным придворным мастером и автором портрета Нефертити в высоком головном уборе, ибо этот памятник, конечно, был создан генеральным художником.

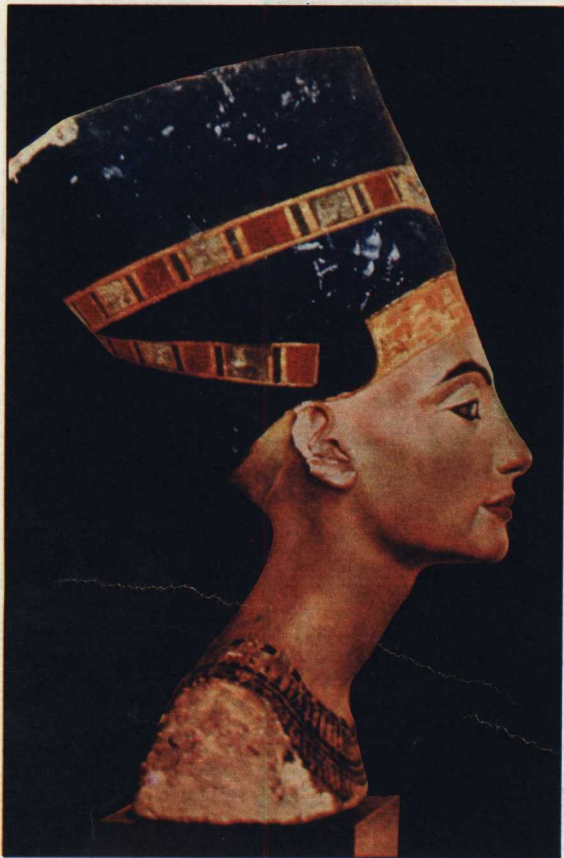
Все совершенно в этой скульптуре: и гармония всей композиции, и изысканность линий силуэта, и мягкая пружинистость форм лица, и гармоничное сочетание красок. Высокий головной убор царицы окрашен в синий цвет, считающийся в Египте цветом волос божества. В обвивающей головной ленте перемежаются коричнево-красные, светло-зеленые, синие и желтые тона. Они воспроизводят цвет природных камней: сердолика, полевого шпата и lapis-лазури, которыми, вероятно, украшались в действительности подобные ленты. Желтая диадема с ренчающим ее на лбу урем — священной змеей кобры, — конечно, в натуре была

сделана из золота. Ведь именно таким ярким, буквально солнечным цветом буаут озарены несколькими годами позже золотые саркофаги и маска цари Тутанхамона — одного из преемников Эхнатона.

В мастерской Тутмоса была найдена еще одна незаконченная портретная голова царицы Нефертити. Скульптор по какой-то причине не успел закончить свою работу над портретом. В нем недоработаны уши и не закончена полировка камня, сохранившего свою первоначальную шероховатую поверхность. Быть может, эта сохранившаяся природная фактура камня — кристаллического песчаника очень тесно коррелирова-

то-палевого цвета — и придала головке царицы особое очарование. Глаза еще не вставлены, головной убор отсутствует, скульптура не раскрашена. Только светлая нежно-розовыми цветом окрашены губы и щеки темными линиями обрисованы веки глаз, брови и две морщинки на ще, характерные в портретах Нефертити.

Голова царицы из песчаника явно изображает ее в ранней юности. В высоком же синем головном уборе — несколькими годами позже. По стилю оба портрета различны. Портрет в высоком головном уборе в особенности пленяет красотой линий скульптуры, пластичностью формы и закон-

ченностью образа. Это придворный и в какой-то мере официальный портрет царицы. Головка же из песчаника кажется более интимной и лирической. В ней с большей теплотой и проникновенностью передан непосредственный замысел художника. Трудно сказать, создана ли обе скульптуры разными вытеками или одним и тем же мастером, работавшим в разный период. Так или иначе, перед нами образцы очень высокого искусства.

В раскопках 1922 года в одной из древних мастерских Амарны была найдена еще одна портретная голова Нефертити из песчаника. Путь подлинного дознания и большого мастерства лежит и на этом памятнике Амарны.

После смерти Эхнатона в середине XIV в. до н. э. наступила реакция. Старая рабовладельческая знать и финансовое жречество снова взяли власть в свои руки. Город Ахетатон был заброшен. Стали оживать традиции старого искусства. Однако это вечное и новое, глубоко человеческое, что было провозглашено искусством Амарны за столь краткий период его развития, продолжало жить и позже в египетском искусстве, вплоть до встречи его с другим великим искусством — античной Греции.

Об искусстве эпохи Амарны и портретах Нефертити можно прочесть в книгах:

1. М. Э. Матье. Во времена Нефертити. Изд. «Искусство», Л.—М., 1965 г.
2. В. В. Павлова. Скульптурный портрет Древнего Египта. ИЗОГИЗ, Москва, 1957 г.

ФЕСТИВАЛЬ
ИСКУССТВ
«РУССКАЯ
ЗИМА»

И. АДОВ

Премье чем рассказать о той программе, которой посвящены мои заметки, мне хочется привести цитату из полузабытой статьи А. В. Луначарского, написанной им в 1919 году для «Вестника театра» № 3 названной «Задачи обновленного цирка»: «Если вы будете говорить... о цирке, вы рискуете натолкнуться на презрительную гримасу. Ведь это искусство для Банен... Это, так сказать, искусство третьего сорта, мажорное, маргинальное, даже раздражающее народ... Надо суметь радикальнейшим образом покончить с этой пошлой точкой зрения...»

И заканчивал свою статью А. В. Луначарский страстным призывом: «Ободренной традиций циркового мастерства, придём на помощь труженникам цирка, людям огромной преданности своему делу, напряжённой работы над собой. Очисти их искусство от грязи, удали из него постепенно всякие безвкусные трюки и остави за цирком его великие задачи: демонстрировать силу, ловкость, отвагу, возбуждать смех и восхищение блестящим, ярким и преувеличенным зрелищем».

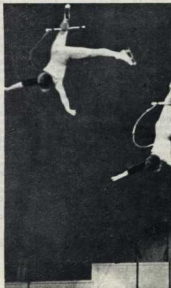
Пришло с той поры сорон шесть лет, советский цирк завоевал признание на всех континентах, где гастролировали наши мастера.

Несколько крупных иностранных импресарио, побывав у нас, уже успели познакомиться с первым в мире «Цирком на льду» — новым изумительным достижением советского искусства. Они не только пришли в восхищение, но, как деловые люди, посетили уже заключить контракты на его гастроли в некоторых странах Европы.

Трудно переоценить меру новаторства, подлинного открытия в сфере искусства, нагим являлся первый в мире «ледовый цирк»; на коньках работают акробаты и гимнасты, вольтеры и экцентрики, дрессировщики и музыканты, конферансье и клоуны, униформисты и даме... звери!

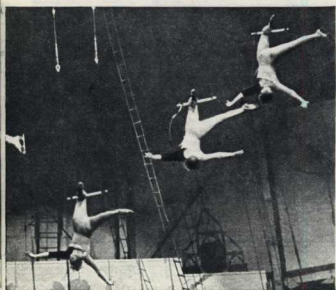
Не так легко представить се-

А

ЛЕДЯНОМ АРЕНЕ

бе, что почти все виды и жанры перенесены с опилки цирковой арены на лед, а между тем это дерзкое новаторство открыло совершенно новые и, прямо скажем, нетрадиционные перспективы. Они предъявили и новые требования и артистам. Требования небывалые, но осуществимые.

...Викрем промчалась на коньках четверка девушек, совершая блистательные виражи, сложнейшие пируэты, и вот они уже, оторвавшись ото льда, взбирается по вертикальным канатам к куполу и выполняют там серьезные гимнастические упражнения. Вы видели салто-фортале на обычном манеже? Это ведь не так уж просто. А Валентина Явчинова — первая в мире девушка, выполнявшая этот трюк на коньках! Жонглеры — на коньках, прыгуны на батуте — на коньках, темповые акробаты — на коньках.

Артист на льду не может выполнять обычный трюк, не будучи при этом безупречным конькобежцем, мастером фигурного катанья. Отсюда и необыкновенно важный новый

«У самовара».

На коньках под куполом цирка.

Сложный трюк Люси Явчиной.

Фото М. МУРАЗОВА

фактор — стремительность всех его действий. Нельзя пройти от форгана к центру манежа обычными шагами, нельзя верно и неторопливо разгрывать клоунаскую интермедию, нельзя коверканье, классическому шпехтлякмейстеру во фразе (пусть даже на польском), шумительно и солидно объявлять номера. Здесь стремительность — закон, и в этом законе удивительная прелесть всего зрелища. В центре на льду артистов не представляют. Они появляются, вызываемые самым сиюминутно, на котором построена программа. В быстрой смене впечатлений и состоит специфичность и редкая красочность ледовой премьеры.

Есть в программе номера, обозначенный скупо и неприметно: «Solo на трубе». О нем немало еще напишут специалисты-музыканты, спортивные тренеры, а вероятно, и филологи, Игорь Яльпильский — редкое дарование. В нем сочетаются талантливый трубач и великолепный мастер фигурного катания на коньках. Непостижимо, как делал сложнейшие и красивейшие фигуры на льду, отмеченные тонкой пластиной, он при этом исполняет концерт Ю. Саульского. Здесь поражает не только владение «двумя дыхалками» (бег и духовой инструмент), но та гармония, в которой сливаются спорт и искусство, рожденные артистизмом и безудержным художественным инстинктом.

Кстати, этими достоинствами отличаются почти все номера программы. Выверенные опытной рукой таного знатока цирка, как Арнольд Гингрович Арнольд, номера построены не на шутливости, не на нарочитом фокусничестве, а на полном согласии юдесов спортивного и художественного творчества.

В пересказе ненабегов гаснут краски живописного и эффементного зрелища. Но еще об одном номере рассказать необходимо. Сначала я познакомился с его автором — Анатолием Мирозовым, а потом уже увидел, чего сумел добиться двадцатипятилетний дрессировщик. Душа, что он уже обрел право именовать дрессировщиком званием мастера дрессуры.

Вот уж никак не поверишь, что двухлетний медвежонок Кузьма обучается всего один год — половину своей жизни. Он бежит на коньках не для того, чтобы веселить публику. Перед ним вечно поставленная задача — забить шайбу в ворота противника, и он со всем пылом своей юной души несет с клюшкой по льду, старательно целился и ни разу не ударил по пустому месту. В заре он часто вырывает шайбу не у противника, а у своих и загоняет ее порой и в свои ворота, но зато с какой помножающей страстью он это делает, с какой восхитительной спортивной целеустремленностью! Кузьма и три его ровесника обучают хоккейную команду на льду. Медвежата на коньках! Не это ли вершина дрессуры? Есть у Малюрова еще четыре взрослых медведя, они тоже на коньках, и интермедию, которые они разыгрывают на льду, превосходны, но малыши с илюшками — столько хохота в зале никто еще не вызывал. Программа «Цирк на льду», обширная и многожанровая, готовилась свыше двух лет. Для того, чтобы сформировать труппу, Союзгосцирк, объявивший специальную конкурс, отобрал 50 юношей и девушек из 3500 претендентов. Вот где поминутно рекордный налив талантов. И все это молодость, свежеть, покирющая своей увлеченностью, романтицизмом, устремленными, широтой нестрастных сил, влюбленностью в искусство.

Большинство принятых в ансамбль едва перешагнув порог двадцатилетия. Почти все они комсомольцы. Многие либо уже получили высшее образование, либо учатся заочно в вузах — будущие инженеры и математики, физики и искусствоведы. Продолжая учебу, они с радостью постигают и искусство цирка, мастерство фигурного катания на льду.

Юность не знает усталости, она — в пути, в поиске, без которого нет творчества.

ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ «СМЕНИ» В 1965 ГОДУ

Галина Гампел

Фазиль Искандер

Леонид Лиходеев

Леонид Мартынов

Иван Мирошников

Мирслав Муразов

Геннадий Новожиллов

Сергей Петрухин

Александр Свободин

Леонид Шароль

Галина ГАМПЕР	Стхи	№ 12
Фазиль ИСКАНДЕР	Рассказ «Слово»	№ 15 ✓
Леонид ЛИХОДЕЕВ	Очерк «Три степени посвящения»	№№ 15—16
Леонид МАРТЫНОВ	Стхи	№ 22 ✓
Иван МИРОШНИКОВ	Очерк «Кочетковцы стояли насмерть!»	№ 9
Мирслав МУРАЗОВ	Фото «Современная метаморфоза», «София Национал»	№ 14 № 17
Геннадий НОВОЖИЛОВ	Рисунки к фантастической повести Кобо Абэ «Четвертый ледниковый период»	№№ 1—6
Сергей ПЕТРУХИН	Фотоочерк «Сестры» Фотография к очерку «Другой диагноз»	№ 5 № 12
Александр СВОБОДИН	«Прогресска с профессором» [из цикла «Эстетические повести»]	№ 14
Леонид ШАРОЛЬ	Статьи «Мозговая атака», «Резервы Homo sapiens»	№ 15 № 20

ХОЧУ БЫТЬ ЛОШАДЬЮ

Боже мой, как бы я хотел быть лошадей!

Как только я увидел бы в зеркале, что вместо ног у рук у меня копыта, а спина изогнута, что у меня настоящая лошадиная голова, я сразу бы отправился в жилищный отдел.

— Попрошу предоставить мне современную большую квартиру со всеми удобствами, — сказал бы я.

— Подайте заявление и ждите своей очереди.

— Ха, ха! — засмеялся бы я. — Разве вы не видите, что я не какой-нибудь обыкновенный, серый человек? Я особенный, выдающийся!

И сразу бы получил современную большую квартиру с ванной. И выступал бы в кабаре, и никто бы не мог сказать, что я бедняк. Даже тогда, когда мои тексты были бы плохие. Наоборот.

— Для лошадей это неплохо, — хвалили бы меня.

— Вот это голова! — говорили бы другие.

Не говоря уже о выгоде, которую я извлекал бы из пословиц и поговорок: «лошадное здоровье», «работает как лошадь», «у лошади четыре ноги, и то сплывается».

Разумеется, лошадиное существование имело бы и отрицательные стороны. Моим врагам я дал бы в

руки новое оружие. Свои анонимные письма по имени они начинали бы так: «Вы лошадь? Вы жалкий пони!»

Женщины интересовались бы мной.

— Вы какой-то особенный! — говорили бы они.

Отправился на небеса, я получил бы крылья и стал Пегасом.

Крылатый конь? Что может быть красивее?

Рисунки
О. ТЕСЛЕРА

ВИНА И НАКАЗАНИЕ

Ихняя сиреневая детская. В кроватке, так и не прочитав вечерней молитвы, сладко засыпает маленький мальчик. Рядом, закрыв ладь руками, красный от стыда, стоит измученный ангел-хранитель.

Мальчик снова весь день совершал дурные поступки.

Он ел ложками варенье, горбился, не слушался и бегал. Напрасно алел умиляюще трепетал вокруг него крыльчаники, напрасно шептал ему наставления о чистой и праведной жизни. Мальчик портился на глазах: все время горбился, бегал, падал, сдирал колени, и в конце концов разорвал костюмчик. Его невозможно было удержать от того решительно ничем — ни напоминаниями о том, что папа так не делал, ни ссылками на маленького героя Петруса Покровского, ни тихими, ангельским пенем. Не помог даже и расказ о том, как однажды был сброшен в пропасть известный всей улице горбу, который подавал дурные примеры.

Ангел-хранитель чувствовал свое полное бессилие, были исчерпаны все доступные ангелам средства: доброта, сладости, мягкие уговоры, утешение. Все напрасно! И вот лег он, погрязший в своих пороках и гордыне, не прочитав вечерней молитвы, глухой к голосу добра, и, засыпая, извернулся, размямливает о том, как завтра горбится.

И вдруг ангел почувствовал горькую обиду. Как же так? Неужели закон во всем своем благодетельно-лестичи нечто перед волей одного молодкоса? Волна восторга перед Законом, всколыхнувшись, подняла волну отвращения ко Злу. Наступила минута, когда маленькое сердце служителя Делу забилось и любовь к нему сильнее, чем огромное сердце самого Делу.

Ангел-хранитель снял руки о лица, тискиной подошел к кроватке и дал мальчику здоровенную затрепетанную.

Тот всколых перепуганный. Под

впечатлением удара быстро прочитал вечернюю молитву, пробормотал что-то, лег и заснул.

Восхищенный ангел долго еще стоял неподвижно и всматривался в ночную тьму.

Настало утро, свежее и бодрее. Здоровый сон сгладил в памяти мальчика неприятные воспоминания. Ему подали завтрак. Как обычно, он не хотел пить молоко: от молока его тошнило. И тут он почувствовал сильный удар ногой. Он все понял и молча выпил молоко...

Противился с мамой, он отправился в школу. Он переходил через улицу, не останавливаясь и не смотря по сторонам. Мальчик старался быть внимательным: он еще не был вполне уверен, что его не преследуют. Окутившись в пустой аллее, он оглянулся вокруг и моментально сорвался. Сильный шлепок по лбу тотчас же привал его к порядку. Не оставалось никаких сомнений: это был ангел-хранитель.

Доброму духу понравился новый метод. Лестность, с которой он теперь добивался того, что еще недавно было недостижимым, несмотря на массу доброты и терпения, ослепила его. Вскоре он сообразил, что новый метод можно усовершенствовать, разнообразя удары. Он даже находил в этом необыкновенное удовольствие, подобно наборному органу, ловко нажимающему нужные клавиши органа.

Итак, за недошедшим обед — удар, так называемый северный; за сгорбленными плечами — шлепок по лбу; за уклонение в молитве — ошпаудка за то, что бегал и вопелет, — хук справа; за то, что хлапал по лужам, — хук слева; за то, что шумел, когда папа работал, — щелчок, и так далее.

Метод давал великолепные результаты. Теперь ангел-хранитель не забывался по вечерам в угол, не стоял покорно, закрыв ладь руками. Наоборот: удобно усаживаясь, массируя правую руку или баранья палцами по столу, он с удовлетворением

наблюдал за послушным и быстрым чтением молитвы. Иногда его одолевала скука и тогда он с двойным вниманием следил за действиями мальчика, чтобы одним удачно выработанным ударом напомнить ему о превосходстве добра над злом.

Мальчик заметно изменился, и к лучшему. Он не бегал, не горбился, не кричал, молился и все доделал. Изменился он и внешне. Так как он поднимал весь свой обед и безотпратно выливал молоко, родители, видя, что он выпивает теперь целый стакан, думали, что он полюбил молоко, и подливали ему без конца — он растолел и победнее. Отрешился от всех проступков детского возраста, он получил массу свободного времени. Постепенно он научился подчинять все свои действия внутренней жизни. Стал серьезным. Начал наблюдать за всем окружающим. Потом заинтересовался химией.

Теперь он обычно сидел на скамеечке в парке, толстый и спокойный, таинственно погруженный в себя, даже не пытаясь бегать, так как знал, что за это сейчас же получит в скуду. А вокруг дети гонялись друг за дружкой, бегали по траве. Склонившись над учебником, он постигал таинственный мир молекул. Упорная, глубоко затанная мысль бороздила его детский лоб.

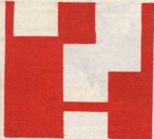
Решили, что он аутикеридил, и очень этому обрадовались. А он упорно работал. Отец оборудовал для него маленькую лабораторию и дал ему немного денег на опыты.

Время шло. Однажды ночью над городом поднялся мощный столб огня, и страшный взрыв потряс окрестности. Это взлетел на воздух дом, в котором жил мальчик, взорванный удивительно умело, хитро и по-любительски сделанной мотой — из домашнего кирпича.

Мальчик нес зарею, удаляясь от города. Он не старая притоптанный рынок с небольшим запасом провинции, в камне у него залес билет на пароход, отплывающий в Южную Америку.

По везаниюному полю за мальчиком бежал ангел-хранитель, чтобы дать ему податывать.

С полного перевода
В. БУРИЧ, М. ПАВЛОВА.

Рисунки В. БЛАГМАНА

■ Можно ли считать достоверной следующую фразу: «Он был женат на сестре своей вдовы?»

■ Часы бьют 6 часов за 5 секунд. Как долго они бьют 12 часов?

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

Задачи наших читателей

■ Попробуйте найти такой шестизначный квадрат трехзначного числа, чтобы среди девяти цифр этих двух чисел были все цифры, кроме 0.

■ Решите следующий пример, заменив квадратики цифрами:

$$\begin{array}{r} \square \blacksquare - \blacksquare \blacksquare = \square \blacksquare \\ : \\ \blacksquare \times \square = \blacksquare \blacksquare \\ \hline \square \blacksquare + \blacksquare \blacksquare = \square \blacksquare \end{array}$$

ОПТИМИСТ
Рисунок Р. ПАЛЬЯВНИКУСА

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

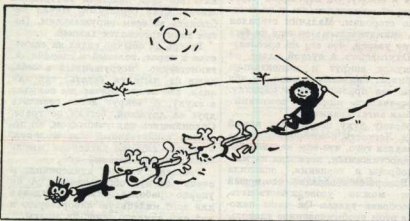

Рисунок С. АШМАРИНА

На первой странице обложки: «МАСЛЕНИЦА».

Солнщики ансамбля артистов цирка на льду Люся Илюхина, Марина Смыслова и Маргарита Шавская.

Фото М. МУРАЗОВА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15. Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел культуры и публицистики — Д 3-31-03; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-87; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; студенческой молодежи — Д 0-49-88; информации — Д 1-04-10; оформления — Д 0-28-59.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редколлегия: К. К. Андреев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Р. Ф. Казаков, Б. П. Кравецкий [ответственный секретарь], А. С. Кулинов, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова
Технический редактор И. Вуднига

А 02461. Подписано и печати 30/XI 1965 г.
Тираж 900 000. Изд. № 2251.
Заказ 3175. Формат бумаги 70 × 108 $\frac{1}{2}$.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

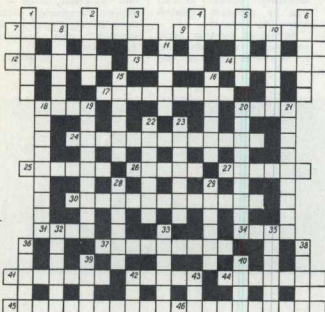
Составил Б. ДОНЕЦКИЙ.

По горизонтали:

7. Советский композитор.
9. Народные художники СССР, мастера политической карикатуры. 12. Греческая певица, выступавшая в Советском Союзе. 13. Кинорежиссер, получившая приз на IV Международном кинофестивале в Москве. 14. Город, где проходил последний чемпионат мира по хоккею. 17. Советский кинорежиссер. 18. Автор повести «Серебряные коньки». 20. Низкий голос. 24. Известный советский кинорежиссер. 25. Васня И. А. Крылова. 26. Город в Польше, где ежегодно проводится Международный фестиваль песни. 27. Скульптор, автор памятника Минину и Пожарскому. 30. Отдел языкознания. 31. Белорусская пловская песня. 34. Метрическая музыкальная единица. 37. Кустарник, растущий в Сибири. 41. Советская киноартрица, получившая премию на Международном кинофестивале в Венеции. 42. Австралийский спортсмен, рекордсмен мира. 44. Лагерь для туристов. 45. Сюита П. И. Чайковского для симфонического оркестра. 46. Город, где проходили Первые африканские игры.

По вертикали:

1. Композитор, автор оперы «Турандот». 2. Голландский кинорежиссер, снявший фильм «Тыся Уленинггелъ». 3. Американский порт-ретист. 4. Порт на реке Сена. 5. Пороховая ловушка. 6. Последний пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 8. Кубинский тапачивон, удостоенный золотой медали на Втором международном конкурсе артистов балета в Варне. 10. Приток Днепра. 11. Веревка для ловли лошадей. 15. Талант. 16. Выдвижное колесо в духовых инструментах. 18. Художественное оформление театральной сцены. 19. Прозвешивание Дж. Стрейзанд. 20. Художник, рисующий животных. 21. Аппарат, в котором поддерживается постоянная температура. 22. Птица, обитающая в тунде. 23. Массовый русский народный танец. 26. Основоположенный латвийского театра и драматургии. 28. Советский искусственный спутник связи. 29. Ударный музыкальный инструмент народов Средней Азии. 33. Польской сигнал «восход спутника «Восход-2». 35. Персонаж произведения А. Н. Герцена «Кто виноват?». 38. Советский писатель. 39. Повесть И. В. Гоголя. 39. Небольшие астральная песня. 40. Шахматная фигура. 42. Курорт во Франции, место проведения кинофестивалей. 43. Французский художник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

7. Закопане. 8. Астероида. 10. Красноводецк. 12. Пилот. 13. Тихов. 14. Суматра. 18. Пуатье. 19. Клетка. 20. Контакт. 21. Басю. 22. Иена. 24. Пингвин. 28. Коваль. 27. Истрия. 28. Аврарий. 32. «Алено». 34. Опани. 35. Архитектуря. 36. Ставелевар. 37. Тиратрон.

По вертикали:

1. «Наутилус». 2. Апорт. 3. Энеску. 4. Осмотр. 5. Тенет. 6. Витконова. 9. Тома. 10. Коттрэмарина. 11. Кибернетика. 14. Сивуада. 15. Манявар. 16. Травити. 17. Актиния. 23. Доблесть. 25. Диапазон. 29. Экипам. 30. Аден. 31. Иттрий. 33. «Орден». 34. Орган.

Умеренно.

ГОЛУБАЯ ТАЙГА

Слова Гарольда РЕГИСТАНА

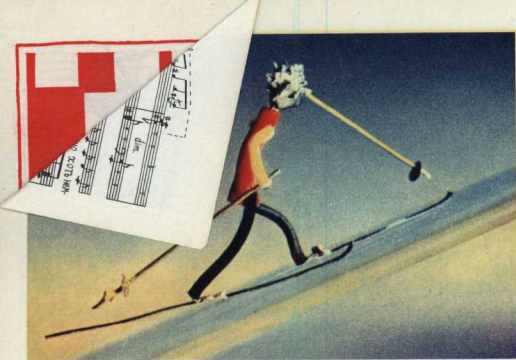
Музыка Арно БАБАДЖАНИА

Завтра снова дорога,
Путь нелегкий с утра.
Хорошо хоть немного
Посидеть у костра.
Но, волной набега,
Тронут вальс берега...
А вокруг голубая,
Голубая тайга!

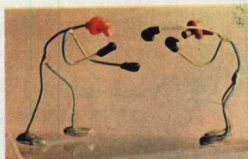
Возле речки таежной,
У палатки, вдвоем
Мы с тобой осторожно
В тихом вальсе плывем.

И поляна лесная
Закружилась слегка...
А вокруг голубая,
Голубая тайга!

Наши встречи нечестны
На твоейной тропе.
Мы за трудное счастье
Благодарны судьбе.
И палатка простая
Нам с тобой дорога...
А вокруг голубая,
Голубая тайга!

МИР
СЧАСТЛИВОГО
ВООБРАЖЕНИЯ

Казаось бы, что общего между строгим и изысканным корпусом транзисторного радиоприемника «Юпитер» и этими забавными фигурами, опубликованными на обложке нашего журнала? Однако счастливый победитель недавнего конкурса «Комсомольской правды» на лучшую схему и оформление транзистора и автор гимнов, вышагивающих под веселую мелодию марша,— один и тот же человек — радиотехник одного из московских заводов Игорь Морозов.

Есть немало людей, которые в неприметном изгибе лесного корня, в оцетинившейся сосновой шишке видят то, что после минимальной обработки мы называем дарами природы и умелых рук. Это люди счастливого воображения. Игорь тоже обладает такой способностью. Но только в большей степени, потому что он художник, хотя иногда и нигде, если не считать школьных уроков рисования, не обучался художественному ремеслу.

На наших снимках лишь небольшая часть работ Игоря Морозова. Но и эти фи-

гурин, как и все то, что делает молодой радиотехник, отличаются «лицом необычно выращенным». В них — характеры, точно подсмотренный жест, грациозная пластика. Поднимающийся по склону силуу лыжника, настроенно следящие друг за другом боксеры, вдохновенный скрипач — во всем этом добрый юмор и тонкая наблюдательность, свойственные человеку одаренному, натуре художественной. И, когда вглядываешься поинимательнее в потешные фигурки, которые рондаются тут же, в заводской лаборатории, во время обеденного перерыва, начинаешь понимать и разделять восхищение товарищей Игоря по работе тем, как быстро, легко и просто он умеет принести людям радость своими талантливыми руками.

В сущности, все, что делает он, может сделать каждый. Для этого не нужны особые материалы. Нужно иметь в своем распоряжении проволоку, олово и паяльник. Разумеется, необходимо желание. И еще... Еще все-таки надо родиться художником.

В. НОВИКОВ

